

Это ведет к уменьшению количества различных типов говоров и является выражением движения языка к единству, вызываемого интенсивным общением и преобладанием одних говоров (чаще всего литературного языка) над другими.

Вот основные формы видоизменения фонетической системы говоров, вызываемые общением с другими говорами. Таким образом, намечается ряд ступеней в трансформации фонетической системы говора под воздействием других говоров, начиная с полной сохранности этой системы, через стадию смещения к частичной перестройке и полному вытеснению элементов говора другими, заимствуемыми со стороны. Как видно из приведенных примеров, при этих процессах всё зависит от фонетических систем говоров в целом, от их сходства и различия. Наоборот, выделение „абсолютно сильного положения“ и установление „полифонем“ не имеет значения для выяснения характера этих процессов. Поясню это несколькими примерами.

Принадлежность звука к сильному или слабому положению не определяет того, в каком из этих положений окажется звук в заимствующем говоре. Так при заимствовании окающихся говорами случаев с аканьем (советский) звук *a* из слабого положения попадает в сильное, так как северно-русские говоры в первом предударном слоге различают *a* и *o*. При заимствовании слова *мечик* из говора, в котором *a* между мягкими переходит в *e*, в говор, не знающий такого перехода, это *e* попадает в сильное положение (в говоре оказываются *мѣчик* и *пѣт* и т. д.).

В литературных словах *укрупнение*, *умножение*, *узкоколейка* и т. п., попадающих в говор, в котором начальное *o* во втором предударном слоге переходит в *y* (*утопрѣ*), это начальное *y* попадает в слабое положение, так как оно не разграничено с *o*.

У северно-русского *баской* в акающих говорах предударное *a* попадает в слабое положение, так как акающие говоры не различают *a* и *o* в первом предударном слоге.

Такие заимствования выводят звуки из тех соотношений, которые намечаются учением Р. И. Аванесова о „полифонемах“. Так к каким полифонемам следует отнести употребляемые в литературном языке *ц* в *цапля* и *и* в *сиверко*? Вне всякого сомнения, в литературном языке они относятся к фонемам *ц* и *и*, тогда как, повидимому, они находят место в полифонемах *ч* и *ѣ*, которым в литературном языке соответствуют *ч* и *е*. К каким полифонемам следует отнести закрытое *ѣ* в проводимых Р. И. Аванесовым новых заимствованиях *цѣнтр*, *лѣкуѣја*, *котлѣта* (стр. 221, примечание)? Может быть, единственным разрядом, когда при заимствованиях сохраняются соответствия, которыми Р. И. Аванесов характеризует „полифонемы“, является тип 16, но и здесь, как показывает случай с южно-русским произношением *брѣѣда*, эти соотношения могут нарушаться.

Таким образом, „целостное языковое общение“ в разной степени (в зависимости от его интенсивности) стирает элементы расхождения фонетических систем, которые создавались на основе изолированного развития диалектов. Оно и подготавливает действительно единую фонетическую систему русского языка. Изучение этих процессов, совершающихся с исключительной интенсивностью, составляет важную задачу диалектологии.